

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ

Научная статья

УДК 930.85; 81-26

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-166-185](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-166-185)

Исторические науки

Тула в русской национальной картине мира

Надежда Николаевна Захарова

Тульский государственный университет, Тула, Российская Федерация

nadine1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>

Аннотация. Данная статья посвящена формированию концепта Тула в русской национальной картине мира и в региональной концептосфере. В статье описываются информационный, когнитивно-образный и интерпретационно-прагматический компоненты концепта Тула как провинциального, ремесленного, оружейного города. Для осуществления научного исследования использовалась выборка контекстов употребления леммы Тула из Национального корпуса русского языка, результаты опроса студентов Тульского государственного университета, а также фрагменты текстов, отобранные автором исследования по данной теме. В качестве методов изучения языкового и текстового материала использовались метод лингвистического анализа текста, структурный метод описания семантики языковых единиц, метод концептуального анализа. Результатом исследования явилось описание лингвокогнитивных черт концепта Тула как фрагмента русской национальной когнитивной и языковой картины мира, вербализованных в лексике, паремиологии, образных конструктах текстов различных жанров, а также находящих свое проявление в стратегиях и тактиках коммуникативного поведения в русском этносе.

Ключевые слова: концепт, образ, русская национальная культура, региональная концептосфера, Тула

Для цитирования: Захарова Н.Н. Тула в русской национальной картине мира. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 166-185.

© Захарова Н.Н.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

CULTURES AND NATIONS

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-166-185](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-166-185)

Tula in the Russian National Picture of the World

Nadezhda N. Zakharova

Tula State University, Tula, Russian Federation

nadine1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>

Abstract. The article is devoted to the formation of the concept of Tula in the Russian national picture of the world. The article describes the informational, cognitive-figurative and pragmatic-interpretive components of the concept of «Tula» as a provincial, craft, weapons city. Tula lemma usage selection of contexts from National Corpus of Russian language, Tula State University students survey, as well as fragments of text selected by the author on this topic were used for the conduct of this scientific research. Linguistic analysis of the text, structural method of semantics of language unit description, conceptual analysis were used as methods of study. The research resulted in description of linguo-cognitive featured of the “Tula concept” as a fragment of Russian national cognitive and linguistic vision of the world, that has been verbalized in lexics, paremiology, figurative constructs of texts of different genres. It has also found its reflection in strategies and tactics of communicative behavior in Russian ethnic group.

Keywords: concept, image, Russian national culture, regional concept sphere, Tula

For citation: Zakharova, N.N. Tula in the Russian National Picture of the World. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 166-185.

Введение

Региональная концептосфера, построенная вокруг главного, гиперонимического концепта «Тула» входит в качестве элемента в две коррелирующие структуры сознания: когнитивную (таксономическое деление и описание категориальных и периферийных признаков объекта) и оценочно-прагматическую (система признаков, включающих этот объект в оценочное поле и определяющих способы оперирования этим объектом, в том числе способы организации городского пространства, городской среды и социального взаимодействия).

Материалы и методы исследования

Источником формирования региональной когнитивной и языковой картины мира выступают:

- знания, полученные человеком в результате его практической деятельности – опыт взаимодействия с миром природы городской среды, социального окружения и социального взаимодействия;
- знания, полученные путем освоения национальной культуры и различных способов ее репрезентации;
- знания, внушенные родным языком – «когнитивное наследство, предоставляемый ей этносом стартовый капитал» (11);
- осмысление значимых для локуса понятий, представленных предметными (в том числе и собственными) и непредметными (события, факты, история) именами и формирующими в локусном сознании образ города и страны.

Для осуществления научного исследования использовалась выборка контекстов употребления леммы Тула из Национального корпуса русского языка, результаты опроса студентов Тульского государственного университета, а также фрагменты художественных и публицистических текстов, отобранные автором исследования по данной теме. В качестве методов изучения языкового и текстового материала использовались метод лингвистического анализа текста, структурный метод описания семантики языковых единиц, метод концептуального анализа.

Результаты исследования

Актуальным как в научном, так и в общекультурном значении является описание элементов культуры, которые нашли отражение в языковой картине мира жителей Тульской земли через формирование региональной концептосферы, находящей вербализацию в национальном паремиологическом фонде, топонимике,

прецедентных именах и текстах, содержащих исторические и современные реалии города, в оценочном поле сознания человека, представителя региональной провинциальной культуры.

Тула как топоним, т.е. особым образом организованное пространство

В Национальном корпусе русского языка. упоминание города как определенной координаты географического пространства самое частотное. Слово Тула встраивается в высказывания, определяющие местонахождение, местожительство объекта – Он, если не ошибаюсь, в прошлом директор школы, где-то в провинции, в Орле или в Туле. М. Баконина. Школа двойников¹, направление следования – На следующий день, с рассветом отправился Колюша пешком в Тулу. Д. Гранин. Зубр. – Я грузу его на подводу и – в Тулу. Б. Окуджава. Новенький как с иголочки (там же) или места, в котором состоялось (состоится) какое-либо событие – 23 апреля в центре Тулы открылся творческий кластер «Октава» ...// Афиша Daily. 04.2018 (там же). Тула упоминается в текстах многих российских писателей. Не будем в рамках статьи повторять то, что получило прекрасное описание в труде Н.А. Милонова (10), отметим только, что в художественных произведениях авторы часто поселяют своих персонажей в обычном провинциальном городе, каковым является Тула.

В указанных контекстах концепт Тула соприкасается с концептами более высокой степени обобщенности – Город, Родная земля, Россия. Топонимические номинации, которые «эксплицитно или имплицитно включают географические или социально-исторические реалии, являются результатом осмысленного процесса номинации, что, в свою очередь, ведет к формированию этноязыковой картины мира» (15, с. 175). Топоним Тула, как и любой другой представитель этого класса собственных имен, является результатом вторичной номинации географического пространства и отражает древний коллективный образ топонимического пространства, в котором дифференцировались какие-либо уникальные, значимые для людей, проживавших в этом месте, природно-ландшафтные и (или) материально-культурные особенности как продукты обживания человеком природной среды. Топонимический словарь указывает на возможность образования названия города Тула от гидронима Тула в дорусский период. Таким образом, называя город, человек указывал на природный объект, давший в какой-то мере начало городу (города ставились на берегах рек, поскольку существованию людей необходимо вода, а также река была связью с другими городами (странами) и в то же время обеспечивала защиту городу). Это первичный образ города, отраженный в его номинации. В локусном сознании туляков наряду с «природными» чертами (географическое положение, климатические условия, расположение объектов и

1

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

т.д.) родной город приобретает концептуальные черты, становясь определенным мыслительным образом. Возникает «вторичный» образ города как факта культуры и этноязыковой картины мира. В русской культуре, начиная с конца XVIII века, вместе с укреплением российской государственности и осознанием России как ячейки европейского геополитического пространства, возникает осознание российского города как части государственного устройства, геополитического и гражданского объединения людей, а значит, начинает не просто формироваться представление о значимости города как актора государственной жизни и деятельности, но и как носителя определенных дифференциальных черт. Возникает потребность в создании сотериологического образа города. Если в западной средневековой культуре создаются похвальные описания городов, включающие миф о чудесном, божественном рождении города, то в русской культуре сотериологический образ города часто опирается не только на миф об образовании города, но и на его традиционную ремесленную специализацию и находит отражение в гербе города. Это образ обеспечивает культурную трансмиссию образа древнерусского города через поколения и становится устойчивым знаком уникальности топоса.

Если мы поставим целью проследить, какая версия происхождения города побеждает в локусном сознании концепта Тула, то обнаружим, что наиболее популярной в обыденном сознании жителей города является версия, согласно которой название города произошло от глагола тулиться – ‘укрываться, прятаться’, из русск. диал тула ‘скрытое недоступное место’. И, хотя данная версия в настоящее время отвергается этимологами (13, с. 447), она в качестве красивой легенды (мифа) продолжает передаваться из поколения в поколение. Так, 75 % студентов Тульского государственного университета при опросе высказали данное толкование происхождения названия Тула, 5% назвали другие версии, 20% указали на то, что не знают этимологии ойконима. Как речка Тулица складывалась из ручьёв и болот, пробивала себе русло, чтобы впасть в реку Упу, искала притулища, так и древнее поселение, пряталось в глухих лесах, защищающих жителей от врагов – таково представление туляков о начале Тулы. Причины закрепления в локусном сознании именно этой этимологической интерпретации видятся в том, что легенда поддерживает определенную когнитивную модель восприятия и описания родного города: как граничившего с опасным Диким Полем. В архаичной картине мира глухой лес предстает неизведанным магическим пространством, с одной стороны, и прародителем всего сущего, но необжитым пространством. Два локуса, давших начало городу, – река и лес – насыщают образ города с сотериологической точки зрения как топос, вышедший из природной стихии и сохраняющий связь с природой.

Указанные черты подпитывают смыслами и образами современный образ города Тула как точки географического пространства и геополитического единства

на карте России, города, имеющего как интегральные черты, роднящие его с любым другим российским городом, так и дифференциальные – создающие его уникальный, самобытный характер – быть градом-щитом, градом-воином, защищающим государство от врагов.

Тула как российский провинциальный город

Анализ упоминаний города в Национальном корпусе русского языка показывает многофакторность и даже антиномичность в когнитивном образе города. Антиномичность как термин, описывающий ситуацию, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, представляется нам наиболее приемлемым для разных модусов описания города.

Первый модус – это высказывания, которые сознательно игнорируют индивидуальность города и указывают на рядоположенность топоса другим объектам, указывая на встроенность города в один логический ряд без каких-либо оговорок с характером полной взаимозаменяемости членов этого ряда. Такие высказывания имеют часто одинаковую синтаксическую структуру А или Б, которая усиливает полную равнозначность объектов: И все это для того, чтобы он сошел с поезда где-нибудь в Рязани или Туле и в тот же вечер вернулся в златоглавую. И. Моисеев. В. Седых «У нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул» // «Известия», 22.01.2002. – С таким же успехом можно жить в Тамбове и в Туле... В. Токарева Своя правда. – Интересно, откуда родом был тот старший лейтенант на Лубянке, придумавший это название? Из Тулы? Из Челябинска? И.А. Бродский. Путешествие в Стамбул. – Где-нибудь в Рязани, в Туле, под Питером. В. Левашов. Заговор патриота (2000). – Сколько девушек, приехавших оттуда – из Тулы, Воронежа, Орла, Тюмени – на Бестужевские курсы, на Высшие, на Театральные, на Педагогические, в Консерваторию, – растратили свою первую любовь в затхлых мебелирашках, <...> на Островах! Ю. П. Анненков. Повесть о пустяках². Тула представлена как среднестатистический российский город, не выделяющийся среди прочих индивидуальными чертами, с общим или схожим набором атрибутов, способом житья-бытья, даже с общей ментальностью. Индивидуальность сознательно стерта.

Отсутствие «лица не общего выраженья», лишение права быть политическим, экономическим и даже культурным феноменом, более того – обреченность на отсутствие ярких, знаменательных для мира событий есть самый существенный признак провинции. Этот комплекс значений входит в ядро семантики провинциальный город.

Восприятие провинциальности в негативном оценочном модусе выделяет прежде всего запоздалое и неполное принятие культурных феноменов, актуальных трендов, инноваций, что приводит к отсталости, консервативности быта и образа мышления и отсутствию оригинальности в обустройстве жизненного пространства, поэтому в некоторых высказываниях выводится «типовая картинка» провинциального города, демонстрирующая схожесть жизненного уклада и образа жизнеустройства как в вещно-эмпирическом, так и в когнитивном облике: Вообразите провинциальный город. Воронеж, Тулу, Сестрорецк... Утро в продовольственном магазине. На витрине — мелкий частик, завтрак туриста... Одиноко желтеет прямоугольник голландского сыра. Возле кассы очередь. С. Довлатов. Марш одиноких. — «Нельзя! Здесь театральное!» “Что театральное?..” “Кафе. Театральное. А не пивная в Туле”. В.М. Шапко. Дырявенький кинематограф. — Стою у вагонного окна и смотрю, смотрю и потихоньку ем копченую колбасу. Мне стыдно есть ее на людях без хлеба. Снег, снег, черные деревушки, все те же белые, неприветливые вокзалы — Тула, Орел, Курск. Е.Л. Шварц. Дневник. 20 сентября. — Что-то вроде «То ли в Омске, то ли в Томске, то ли в Туле — все равно...» Входит женщина-доктор и говорит: «Вам открыть дверь? З.Е. Гердт. Рыцарь совести³. В последнем фрагменте звучит цитата из популярной военной песни (музыка Ю. Милютин, слова Ц. Солодаря): «Где же нашему знакомству / Продолжаться суждено? / Или в Омске или в Томске или в Туле / — Всё равно».

К числу черт провинциальной духовной жизни относят также «обозримость и вместе с тем ограниченность культурного пространства и происходящих в нем процессов», «настороженность к новациям», «несинхронность столичной и провинциальной «моды» в мире культуры» (7, с. 299). Образ Тулы связан с понятием провинциальности, а значит, остается противопоставленным двум столицам и предполагает отличные от культуры мегаполиса, более «почвенные», более консервативные, более камерные формы культуры. Провинциальность имеет как территориальный (удаленность от центра), так и ресурсный критерий. В своей территориальной близости Тула оценивается как город Московии, удобно расположенный в транспортном отношении, ближайший к Москве железнодорожный узел, откуда в прошлом расходились уже дороги в глубинку: У нас с Тamarой была такая традиция — провожать Гейдара Алиевича (когда он уезжал из Москвы) до Тулы. Едем мы до Тулы, ведем неспешный разговор. Муслим Магомаев. Любовь моя — мелодия. — Если увеличить молекулу водорода до размеров горошины и поместить такую «молекулу» в Москве, то ее ближайшая «космическая соседка» окажется в Туле. Строение жидкости существенно отличается от строения газа, молекулы которого находятся далеко одна от другой и лишь изредка сталкиваются.

3

Там же.

А.И. Китайгородский, Л.Д. Ландау. Физика для всех. Молекулы. – Чтобы проехать от Тулы до Москвы большой сообразительности не надо, в конце концов, можно и электричкой добраться. Гид Красный. Автостоп // «Молния», 10.07.2001. – Так что всё относительно в этом мире, и во всём есть свои плюсы, Тула – не Магадан ... Форум зеков и сокамерников⁴.

Близость к центру есть положительная черта в условиях необозримого географического пространства и протяженности страны, поскольку расстояние затрудняет общение людей, разрывает взаимоотношения центральной власти и дальнего города.

При описании Тулы указывается на свойственную провинции недостаточность ресурсов при территориальной близости к Москве как центру и столице России. Близость к столице не несет никаких преференций для города в распределении и раздаче благ, наоборот, в советское время и в паремииологии, и в жанре анекдота противоречие «пространственная близость к центру» / «бедность ресурсов» служило полем для построения языковой, семантической и смысловой игры: Тула в лапти обула. – Бей челом на Туле, ищи на Москве. – Живет в Туле да ест дули. – Откуда тебя выслали? Из Тулы, – отвечал краснощекий. – Живет в Туле, да ест пули! С. Василенко. Дурочка. – Анекдот: Можно ли доехать верхом на лошади от города-героя Новороссийска до города-героя Москвы? – Нет, потому что лошадь съедят в городе-герое Туле⁵.

Провинциальность имеет и положительный модус оценки – близость к природе, душевность и близость отношений, размеренный ход жизни, некое духовное превосходство консервативности в сохранении народных традиций. Провинциализм города признается как сохранение особой душевности, камерности: «...мне кажется, что чем больше город, тем менее в нем остается души, меньше люди обращают внимание друг на друга. На мой взгляд, взаимопонимание, взаимопомощь – основы гармоничного сосуществования людей, и в нашей маленькой Туле люди ещё пытаются прислушиваться к чувствам окружающих» (из сочинения студент). Традиционализм провинциального города осознаются как особая ценность, наполняющая жизнь каждого туляка смыслом, позволяющая ощущать родной город «домом» бытия: «Его привычный, тихий нрав / И времени спокойное течение. / Знакомых встречное движенье... / Скажу «святое» – и буду лично прав. / Здесь нет столичной суеты, Пустого и напрасного волненья...» (из стихотворения студента Артамонова П.). В этом положительно-оценочном, романтическом интерпретационном поле провинциальность Тулы – это не стертость и размытость индивидуального образа, а выражение «русскости», когда город, в ряду других русских городов,

4 Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

5 Там же.

выступает хранителем национальной русской ментальности, предполагающей особую душевную связь между людьми и бережное отношение к традициям.

Осмысление города Тула как носителя исторической памяти народа

Город Тула формировался как пограничный город, он становился символом освоенного пространства, отграниченного от Дикого Поля, и это освоение проходило в тяжелейшей и часто кровопролитной борьбе с многочисленными недругами земли русской. Даже после знаменитой Куликовской битвы земля в окрестностях Дона продолжала оставаться малозаселенной в силу постоянной опасности проживания в этих местах. Датированный 1652 годом царский указ в числе украинских городов называет Тулу, Каширу, Калугу, Серпухов, Алексин и другие русские города. Строительство в Туле сначала деревянной (1507 год), затем каменной крепости – Кремля (1520 год) значительным образом усиливала приграничную оборону.

Город-воин, город-защитник – магистральная черта сотериологического образа Тулы. Пограничность локуса рождает особую ментальность – осознание ответственности, гражданского долга – охранять землю от посягательств чужих и от разобщенности «своих». Это определяет тяготение к ядру, центристскость гражданского мышления, чувство спаянности с государством. Историческое предназначение города быть защитником определяет основную концептуальную модель в восприятии и идентификации родного города: жить в нем всегда означало брать на себя святую обязанность сохранения целостности государства. Актуальные события, различные версии исторических событий подвергаются «идеологической» фильтрации, проходят проверку на корреляцию генерализованному когнитивному образу города, воспеваемому в стихах: Тульский край, гордимся мы тобой! / Твоей историей, раздольем, красотой. / Куликовым полем и Тульским кремлем. К. Пимков (20). Дорог край мне Ясною Поляной / Ширью нераспаханных полей / Рощами, где летним утром рано / Песню запеваёт соловей / И, конечно, Куликовым полем, / Где зимой кружит, шумит метель / И зовёт, набушевавшись вволю. Л. Ачёлова. – Тульский край... Здесь Непрядва, Упа и Ока... / Начинается Дон, нашей славы река... Н. Кошелкина⁶.

Тула оружейная

Для понимания содержания концепта Тула становится важным определение Тулы как исторически сложившегося центра оружейного производства России и отношение туляков к специализации города как к основе государства и русской земли. Русские пословицы раскрывают специализацию тульских мастеров, связанную прежде всего с обработкой металла: Дай туляку кусок железа, он

6 Три штыка. Журнал «Тульский ARSENAL» Поэзия. URL: <http://71ru.info/literature/poetry/1017-tri-shtyka.html>

чудо сотворит. – Туляк, как только родился, так сразу за молот ухватился. – Туляк – стальная душа. Гимном Тулы становится песня, которая связывает в сознании носителей российской культуры образ города с производством оружия: «Тула веками оружие ковала, / Стала похожа сама на ружье, / Слышится звон боевого металла / В каждом названии улиц ее». Таким образом, протягиваются когнитивные связи к микротопонимам – «оружейным» названиям улиц, в которых зафиксированы род занятий туляков, технологические процессы, продукция и предметы, сопутствующие производству, т.е. отражены элементы профессиональной картины оружейников. Топографические номинации, пройдя долгий путь употребления в локальном дискурсе тульских жителей, начинают формировать концептуальный образ города трудового, оружейного и закладывают в сознание носителей национальной культуры уважение к оружейному делу и гордость за приобщенность к славному городу.

Среди микротопонимов Тулы выявлено более 60 единиц наименований, связанных с профессиями туляков и производством: улицы Дульная, Ствольная, Пороховая, Штыковая, Заварная, Курковая, Замочная, Ложевая, Арсенальная и др. (9, с. 31).

Как справедливо отмечает Н.Н. Гончарова, «тульские мастера и промышленники внесли огромный вклад в распространение технических знаний по всей стране (Олонецкие и Сестрорецкий оружейные заводы, уральские и сибирские заводы). В связи с возникновением этих заводов исследователи говорят о распространении общерусской технической терминологии и о пополнении ее новыми единицами, обусловленными дальнейшим техническим и производственным развитием» (17, с. 27). Поэтому образ Тулы как оружейного города входит не только в региональную концептосферу, но и в национальную концептосферу, соединяя материальную и духовную культуру народа в единое целое. Значительное количество упоминаний Тулы (худож., публиц., разг. дискурсы) связывает название города с оружейным производством: Где вы работали? – В Петербурге, Ростове-на-Дону, в Туле на оружейном... М.А. Шолохов. Тихий Дон. – Мы переходили из одной эпохи в другую, из одних интереснейших мест в другие, не менее интересные. Изучая литературу, мы побывали с Селихановичем всюду – среди оружейников Тулы... < ...> Это наполняло нас гордостью, сознанием силы человеческого духа и искусства. К.Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы. – Комиссар предположил, что «товар» будет поступать в магазины из Германии, а также из оружейных кузниц в Туле и Ижевске. // «Комсомольская правда», 1992. – Правда, основные деньги надо было мне все равно оставлять, у меня в портмоне еще имелась крупная сумма, на которую я хотел в славной оружейной Туле классную двухстволку справить. В. Черкасов. Черный ящик⁷. «Оружейно-кузнечная» составляющая концепта Тула

ведет к концептам-персонифицированным образам – Петр I, Левша, Демидов. Так, в речевом узусе вырисовываются концептуальные черты Левши: умелый мастер, изощрившийся в тонкой работе. Говорится о человеке, обладающем профессиональным мастерством; тульский оружейник, сумевший подковать блоху, высокотехнологичную английскую игрушку, прославивший Тулу. Выступает символом мастеровитости тульских оружейников и кузнецов, способных без сложных механизмов выполнить технически сложную работу; талантливый русский мастер, который при предложении остаться в благополучной и рационально и технологично устроенной Англии выбрал возвращение в православную, нерациональную и неустроенную Россию для продолжения жизни во славу русского оружия. Говорится о патриотическом выборе русского человека. Примеры представлены в статье 2019 года (4).

Наличие в концепте Тула образного компонента определяется нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода. Образный компонент состоит из вербализованного в семантике языковых единиц конституента и невербализованной составляющей, которая может подпитываться мифами, легендами, оценочно-модальными текстами, закрепленными в национальной памяти. Туляки называют свой город южным щитом Москвы, изображение щита вошло в геральдику г. Тулы. Герб представляет собой семиотический знак, несущий информацию о самоидентификации жителей города. В Тульском гербе (герольд-мастер Щербаков, 1779 г.) отражены два важных для идентификации локуса момента – город-защитник и город-арсенал Российского государства: «В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие Андреевского креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол. Вверху же и внизу по одному молотку золотому. Все сие показывает примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе» (16, с. 4). Интересно, что в новых тульских штандартах – гербе и флаге, утвержденных на заседании Геральдического Совета 28.11.05 г. в Москве, не только сохранены основные элементы геральдического знака, но и введены новые, еще в большей степени поддерживающие и закрепляющие данный концептуальный образ: золотая Петровская императорская корона, символизирующая роль Петра I в создании железоделательного и оружейного дела в Туле, кузнечные молотки вместо сапожных, более полно передающие «мастеровой» облик города, серебряные клинки мечей призваны стать символами победы на Куликовом поле в 1380 г.

Метафора «город – щит» символизирует присущее тулякам формирование концепта «родная земля» – оборонный город, существующий для защиты русского государства: «Край российских мастеров, / Победителей обитель, / Жизнь свою

отдать готов /За тебя любой твой житель!» Егоров В. – «Твои пряники и самовары, / И оружие, и слава людей.../ Ты - опора Российской державы!» Шафран Я. (20).

Тула – Тульский пряник

Тульский пряник относится к предметному коду национальной культуры и включается в традицию русского чаепития, предполагающего приятное времяпрепровождение за столом с угощением и беседой. Обычай накрывать чайный стол для гостей со стороны хозяина и обычай одаривать хозяина неприятельным угощением со стороны гостя является знаком уважительных отношений коммуникантов, поскольку в славянской культуре издавна хлеб служил символом благосостояния рода, а входящий в дом должен был разделить хлеб, т.е. обозначить свои намерения нести добро роду, быть своим. Помимо этого, колос нес символику продолжения рода (женщина, подобно зерну, должна была быть плодотворной). В Тульском крае было принято жениху и невесте разламывать пряник в знак обручения и единства доли вступающих в родство, пряники дарил жених невесте перед венчанием, что так же символизировало будущее богатство и плодотворность семьи. (14, с. 336). «Обращаясь к традиционной надписи на тульском прянике «Тула – пряничный рай», открываем еще один фрагмент национальной картины мира: уподобление города раю отсылает к библейской семиосфере и говорит о стремлении выстроить вертикаль, в которой земное уподобляется горнему. Древняя мечта русского человека устроить гармонично земной порядок вещей – земной рай издавна находила свое отражение в поисках «земли обетованной» в существующем географическом пространстве, и традиционное для туляков ремесло – изготовление печатных пряников с картинками-изображениями этого счастья или пожеланиями счастья – сближает образ обетованной земли с родной землей – тульской. Более того, основой для производства тульских пряников служит мед, который еще в славянской картине мира являлся символом сладкой, изобильной, счастливой жизни. Круговая (овальная) форма пряника тоже знаменует собой сообразность, гармоничность мира. Орнамент пряника, рифмизованное сочетание «верхнего» и «нижнего» ярусов высказывания-надписи повторяют круговое вращение, усиливают перцептивный образ гармонии, актуализируя мифологические представления о дуальном строении мира (верх / низ, начало / конец) и его совершенстве. Растительный орнамент символизирует землю, плодоносящую и изобильную» (3, с.25).

Тульский пряник с надписями «Подарок из Тулы», «Кого люблю, тому дарю», «Тульский сувенир», «Пряники предки ели – и нам велели», «Тульский пряник – государь / Испечем его, как встарь», «Тульский гостинец» туляки дарят, приезжая в гости в другие российские города и другие страны, что выступает знаком добрых

намерений, доброго благопожелания и в то же время формирует самобытный образ Тулы как добросердечной и счастливой земли. Эта модель отвечает потребности в «локусной» самоидентификации жителей Тулы.

Тула – город самоваров

Первое упоминание о тульском самоваре встречается лишь в 1746 году. Тула становится «столицей» самоварного производства по той же причине, что и оружейной: там находились месторождения железных руд, и тульские мастера славились умением изготавливать из металла красивые и качественные изделия.

Когнитивный образ Тулы как центра самоварного производства сохраняется в пословице В Тулу со своим самоваром не ездят. «(разг. неодобр.) 'отправляться или обращаться куда-н., имея при себе то, что заведомо и в достатке есть там на месте' [говорится, имея в виду Тулу как город, производящий самовары]»⁸. Пословица, организованная как суждение, представляет собой способ концептуализации действительности, первый этап вербализации концепта, при котором происходит максимальная степень обобщения прототипической ситуации. В семантике единицы Тула означает любое место прибытия, которое славится высоким качеством производящегося изделия. Как элемент, закрепляющий в свернутой и афористичной форме рекомендуемую стратегию поведения в схожей ситуации, Тула становится эталоном, на который стоит ориентироваться.

Прецедентность крылатого выражения и частотность его использования в различных дискурсах закрепляет образную и прагматико-интерпретационную составляющие концепта Тула как города, славящегося своими мастерами (прецедентность пословицы дает возможность не употреблять полностью само выражение, а использовать слова-маркеры, отсылающие к семантике выражения, расширяет смысловое содержание текста): Нелепо брать в Тулу – самовар. А в Нью-Йорк – саксофон. С. Довлатов. Марш одиноких. – Потому что владельцы походных самоваров в Тулу не ездят, а в музей после окончания рабочего дня состоится оргия. В.В. Глейзер. Любовь и морковь. – Нет, брат, жена тебе там только обузой будет, – усмехнулось «Видное лицо». – В Тулу-то со своим самоваром? Эх, Марлуша, я тебе даже немного завидую. В. Аксенов. Остров Крым. – Везти их в Америку было все равно, что самовар – в Тулу. В.А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89. – Но этот приперся в ресторан, видимо, в компании собственной жены, толстой бесформенной клуши. Называется: в Тулу с самоваром приехал. Вот уж эти мужики. А. Троицкий. Удар из прошлого⁹.

Самовар становится постоянным ассоциатом Тулы в национальном сознании и рисует самобытность как образную ипостась указанного русского

8 Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

9 Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

города: Внучку привозят из самой Тулы, прошлый раз самовар привезли, пряников привезли целую коробку. П. Проскурин. В старых ракетах. – Санитарные поезда, груженные стопами, кровью, йодоформом, смертью, – направились с фронта в дремотную Пензу, в самоварную Тулу, в мирный и миролюбивый Орел, в Полтаву, Москву, Петербург. Ю.П. Анненков. Повесть о пустяках¹⁰.

Включаясь, вместе с чаем и тульским пряником, в жанр симпозиции – приятного чаепития и душевной застольной беседы – тульский самовар становится образом радостного земного бытия – единения собеседников в согласии, мире и ладе: В Томилине, под Москвой, на даче Осипа Андреевича Правдина, тишь да гладь, да Божья благодать. <...> Сайки, булки, бублички с маком, пончики, цельное молоко в глиняных кувшинах, сметана, сливки, варенье разное, а посредине блеском сверкающий медный самовар с камфоркой, *фабрики братьев* Баташёвых в Туле. И всё это – и сосны, и розы, и сад, и самовар, и майоликовый фонтан с золотыми рыбками, – все залито высоким, утренним, июльским солнцем, пронизано голубизной, тишиной, блаженством, светом. Ю. П. Герман. Россия молодая¹¹. Другой стороной этого феномена становится приписывание и тульскому самовару, и самому образу русского города особой «русскости»: тульский самовар становится предметным кодом, который номинирует национальное своеобразие и самобытность русской культуры и русского языка. Эту черту подмечает К. Чуковский, говоря о непереводаемости пословицы на другой язык: Нельзя допускать, чтобы, например, в переводе с английского какие-нибудь сквайры говорили <...> – Ехать в Тулу со своим самоваром, – так как ни самоваров, ни Тулы в Англии нет и никогда не бывало¹².

Тула – город мастеров

Все образные ипостаси концепта, о которых говорилось в предыдущих разделах, создают когнитивную модель более высокого уровня обобщения – модель мастерового города. В этом процессе кумулятивную роль играет паремиологический фонд. Пословицы становятся популярными потому, что они корреспондируют к системе ценностей народа, выражают особенности восприятия мира и стратегии взаимодействия. Пословицы формируют образную, афористичную, запоминающуюся языковую «упаковку» фрагментов русской когнитивной и языковой картины мира, в том числе и аксиологической, предполагающей оценочное окрашивание мира. Пословицы, образованные на основе профессиональной деятельности, позиционируют положительный образ тульского ремесленника как умельца, работа которого прославляет город: Тульские кузнецы в работе молодцы.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же.

Дай туляку кусок железа, он чудо сотворит. – Туляк – стальная душа. – Тульская винтовка бьет ловко. – Тула – пряничный рай. – Для друзей у Тулы пряник, для врагов у Тулы – меч. – Не красна Тула углами, а красна самоварами. – Туляки в делах ловки. Концептообразующая функция пословиц обусловливается:

- высокой степенью обобщения информации, приводящей к возможности охватывать большие классы ситуаций, релевантных ситуации, названной в пословице;
- воспроизводимостью в культуре и в речевом узусе;
- оценочно-этической заряженностью и дидактичностью;
- афористичностью;
- частотностью рифмованной структуры.

Вербализация концепта Тула происходит в пространстве текста, когда автор, создавая картину художественной действительности, апеллирует к традиционному представлению о городе, закреплённом в системе общепринятых и моделей: Я не стала говорить, что он индийский, а соврала, что он тульский, из той Тулы, где делают самовары и пряники. Л. Смирнова. Моя любовь. – В дороге случился комический инцидент с мадемуазель Барле. Она много слышала о тульских пряниках и решила выйти в Туле, чтобы их купить, но замешкалась. К.А. Куприна. Куприн – мой отец. – Гриша родился и вырос в Туле – Нинина мать называла его «тульский пряник». Маша Трауб. Не вся la vie. – Две комнаты особняка были отведены под механическую мастерскую, где священнодействовали какие-то особые искусники, какие-то академики слесарного дела, вроде тех, которые в свое время в Туле подковали блоху. А.А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова)¹³.

Образ Тулы как образ городского пространства и городской среды

Любой город является результатом интеллектуальной созидательной деятельности многих и многих людей и воплощает в себе образный конструкт (конструкты), которые реализовывались в разные исторические и культурные эпохи. В то же время среда проживания становится биологически, социально и культурно значимым фактором в становлении личности, формирует особый мир ценностей, имеющих характер концептуальных. Человек способен творить множество самых различных образов наличного бытия, в том числе и образ родного города. Как и для многих древнерусских городов, для исторического центра Тулы характерно лучевое разветвление улиц от единого центра – Кремля. Исторический центр Тулы располагается вокруг Кремля. Находящийся в центре Кремля собор венчает спаянность улиц христианским светом, дает материальному крепость духовную. Успенский собор в Туле хранит верность древней русской традиции помещать в

13

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

центре богородичный храм – символ Покрова – защиты Богоматерью города и его жителей. «В центре города возвышаются белые стены кремля. Эти стены и башни говорят, что в давние времена город знал более тревожную жизнь, чем ту, которой он живёт теперь. Он был оплотом государства, охранял его границы, проливал кровь за целостность родной земли», – так пишет о своем родном городе литератор С.А. Зыбин (6). В олицетворении город уподобляется воину, боевая слава города как защитника государственной целостности создается мужественностью его поселенцев. Кремль определяется как религиозная святыня. Два собора организуют сакральную доминанту города, традиционную для древнерусского города вертикаль – связь с Богом через церковное, соборное единение.

Обсуждение результатов

Реализуемая в Туле в настоящее время государственно-региональная градостроительная концепция ревитализации городской среды с целью сохранения самобытности также опирается на концептуальное представление туляков о Кремле как средоточии жизни провинциального города и преобразует территорию Кремля – исторического места и архитектурного памятника – в живой организм социального взаимодействия: Кремль и прилегающая земля становятся тем общественным пространством, которое притягивает многих туляков и осознается как историческая, сакральная, деятельностная доминанта жизни города.

Выводы

Таким образом, географическое положение Тулы и его «специализация», героическая история города-героя создают особенный русский дух – направленность сознания на служение отечеству. Есть земли, на которых полагается жить поэтам. Есть земли, на которых полагается жить воинам. Любовь к родной земле рождается здесь не только красотой пейзажей, а пониманием важности своего назначения, патриотического, национального, христианского долга.

Список источников

1. Барабанов А.А. (2013), Социально-культурные и семантические принципы ревитализации индустриального наследия [The socio-cultural and semantic principles of industrial heritage revitalization]. Эко-потенциал. № 3-4. С. 237–248.

2. Жуков В.П. (2000), Словарь русских пословиц и поговорок [The Dictionary of Russian proverbs and sayings]. М.: Русский язык.
3. Захарова Н.Н. (2022), Информационное, когнитивно-образное и прагматическое поле концепта «тульский пряник» [Informative, imaginative and pragmatic fields of the "Tula gingerbread" concept]. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 23–29.
4. Захарова Н.Н. (2019), Концепт Левша в русской национальной картине мира и региональной концептосфере [The concept of Levsha in the Russian national picture of the world and the regional concept sphere]. Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ С. 161–166.
5. Зацаринный С. (2012), Древности щегловского ручья: уничтожить или обрести утраченное? [Antiquities of the Shcheglovsky stream: to destroy or find the lost?]. Тульский краеведческий альманах. Вып. 9. С. 6.
6. Зыбин С.А. (2007), Льеж и Тула (сравнительный очерк). Тула. Писатели Тульского края XVIII – начала XX веков [Liege and Tula (comparative essay)]. Выпуск 3. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zybin03.php.
7. Инюшкин Н.И. (2000), Региональный компонент в культурологическом образовании [The Regional component in the cultural studies]. Источниковедение и краеведение в культуре России: сборник к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М.: Российск гос. гуманит. ун-т. С. 299 – 301.
8. Кубрякова Е.С. (1988), Роль словообразования в формировании языковой картины мира [The role of the word's formation in the formation of the linguistic picture of the world]. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука. С. 141–172.
9. Майорова Т.В., Майоров М.В. (2005), Улицы Тулы XVII – XXI веков [Streets of the Tula in XVII - XXI centuries]. Энциклопедический словарь-справочник тульских городских названий. Тула: Издательство «Шар».
10. Милонов Н.А. (1971), Русские писатели и Тульский край: очерки по литературному краеведению [The Russian writers and the Tula Region: essays on literary regional studies]. Тула: Приокское книжное издательство.
11. Морковкин В.В., Морковкина А.В. (1996), Русские агнонимы [The Russian agonyms]. М.: Б.и.
12. Толковый словарь русского языка (1994), С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Российская АН, Институт русского языка, Российский фонд культуры [The Explanatory dictionary of the Russian language]. М.: Азъ.

13. Поспелов Е.М. (2008), Географические названия России: топонимический словарь [The Geographical names of Russia: toponymic dictionary]. М.: Астрель.
14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [The Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] Т. 4. (2009), М.: Международные отношения.
15. Суперанская А.В. (2010), Что такое топонимика? Из истории географических названий [What is a toponymy? From the history of geographical names]. М.: URSS.
16. Тула из века в век (2004), [The Tula from century to century]. Тула: Бизнес-Пресс.
17. Тульский край в зеркале лингвокультурологии (2010), [The Tula region in the mirror of the linguistic cultural studies]. Авторы: Захарова Н.Н., Гончарова Н.Н. и др. (монография). Тула: ТулГУ.

References

1. Barabanov, A.A. (2013), The socio-cultural and semantic principles of industrial heritage revitalization. Eco-potential. No. 3-4. pp. 237–248. (In Russian)
2. Zhukov, V.P. (2000), The Dictionary of Russian proverbs and sayings. Moscow: Russian language. (In Russian)
3. Zakharova, N.N. (2022), Informative, imaginative and pragmatic fields of the “Tula gingerbread” concept. Proceedings of Petrozavodsk State University. I. 44, No. 1. pp. 23–29. (In Russian)
4. Zakharova, N.N. (2019), The concept of Levsha in the Russian national picture of the world and the regional concept sphere. Russian word in a multilingual world. Materials of the XIV Congress of MAPRYAL. pp. 161-166. (In Russian)
5. Zatsarinny, S. (2012), Antiquities of the Shcheglovsky stream: to destroy or find the lost? local lore almanac. No. 9. p. 6. (In Russian)
6. Zybin, S.A. (2007), Liege and Tula (comparative essay). Writers of the Tula region of the XVIII – of the beginning of the XX centuries. Tula. 3rd Ed. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zybin03.php (In Russian)
7. Inyushkin, N.I. (2000), The Regional component in the cultural studies // The Source study and the local history in the culture of Russia: collection for the 50th anniversary of the work of S.O. Schmidt in Historical and Archival Institute. Moscow: Russian State Humanitarian. University. pp. 299 – 301. (In Russian)
8. Kubryakova, E.S. (1988), The role of the word's formation in the formation of the linguistic picture of the world. The role of the human factor in language: The Language and the picture of the world. Ed. by B.A. Serebrennikov. Moscow: Nauka. pp. 141 – 172. (In Russian)

9. Mayorova, T.V., Maiorov, M.V. (2005), Streets of the Tula in XVII - XXI centuries. Encyclopedic dictionary-reference book of Tula city names. Tula: Shar. (In Russian)
10. Milonov, N.A. (1971), The Russian writers and the Tula Region: essays on literary regional studies. Tula: Prioksky Publishing House. (In Russian)
11. Morkovkin, V.V., Morkovkina, A.V. (1996), The Russian agonyms. Moscow: B.i.
12. The Explanatory dictionary of the Russian language: Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian Academy of Sciences, Institute of Rus. lang. (1994), Moscow: Az, 1994.
13. Pospelov, E.M. (2008), The Geographical names of Russia: toponymic dictionary. Moscow: Astrel. (In Russian)
14. The Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary (2009), Vol. 4. Moscow: International relations. (In Russian)
15. Superanskaya, A.V. (2011), What is a toponymy? From the history of geographical names. Moscow: URSS. (In Russian)
16. The Tula from century to century. Tula: Business Press, 2004. (In Russian)
17. The Tula region in the mirror of the linguistic cultural studies (2010), Authors: Zakharova N.N., Goncharova N.N. et al. (monograph). Tula: TulGU. (In Russian)

Информация об авторе

ЗАХАРОВА Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических дисциплин и русского языка как иностранного Тульского государственного университета, Тула, Российская Федерация. E-mail: nadine1967@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.01.2023. Одобрена после рецензирования: 17.02.2023. Принята к публикации: 10.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Nadezhda N. ZAKHAROVA, CandSc (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Theoretical Disciplines and Russian as a Foreign Language, Tula State University, Tula, Russian Federation. E-mail: nadine1967@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 27.01.2023. Approved after peer review: 17.02.2023. Accepted for publication: 10.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.